

А. Сенкевич

КОНЦЕПТ «ДОМ – БЕЗДОМЬЕ» В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА «СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ»

У Владимира Максимова в его прозе применяется особая символика. Переходящая из романа в роман, она позволяет выявить основные эстетические ориентиры писателя. Речь идет прежде всего о словах-концептах, раздвигающих бытовой план и выводящих сюжет на философские обобщения. Символы романа «Семь дней творения» расширяют рамки повествования и ведут от земного, временного ко вселенскому, небесному, вечному. Самые основные среди них антиномии: «дом – бездомье»; «земля – небо»; «звезда – солнце»; «день – ночь»; «дорога (простор) – забор (дверь, черта, бездна)». Все эти символические знаки, взаимосвязанные и взаимодополняемые, работают на единую художественную идею, пронизывающую весь роман Владимира Максимова.

Поскольку в «Семи днях творения» повествование поделено на шесть глав, каждая из которых посвящена отдельному герою, то и названные выше концепты одновременно и близки друг другу по смыслу, заложенному в них, и отличаются в меру индивидуальных особенностей каждого из главных персонажей, видящих окружающий мир по-своему.

Семантика дома включает в себя осознание всей России как единого дома, в котором в результате социальных катаклизмов все вывернулось вверх дном и по сути превратилось в свою противоположность, в «бездомье»: люди оставляют свою землю, свои дома и огороды, опустошенные и разоренные

революцией, гражданской войной, раскулачиванием, репрессией и устремляются в другие места. Иногда они бегут по своей воле, чаще – по жестокой воле тоталитарной власти. Но результат один: у всех страшное душевное окаменение и опустошение, вызванное «бездомьем», потерей памяти о прошлом.

У Петра Лашкова дом зажат в тиски индустриального города и дороги. «Утлый дом» этот еле держится стараниями преданной верующей жены. Но свет и тепло уходят из дома вместе с разлетевшимися по свету детьми и со смертью жены. «Свет» звезд и солнца вновь проникают в дом только с рождением внука и последовавшим изменением души Петра в конце его жизненного пути.

Устами плотника Ивана Левушкина автор провозглашает основную жизненную ценность: дом – это «божье дело» и «здесь шутки шутить нельзя. Такое дело недоделать – грех. И – тяжкий» [1, с. 226].

Дом строят всю земную жизнь, уходя из него «к Богу». Дом – это не только строение для жилья, но главное прочные духовные связи между людьми. Дом – это прежде всего вместилище любви к ближним.

Братья Лашковы норовят «белый свет разукрасить, а свой огород бурьяном зарастает» [1, с. 265]. В этом трагедия всего народа, сорванного с корней, мечущегося по необъятным просторам России, потерявшего память и любовь «к родному пепелищу».

Мечется Андрей, пока не обретает свой дом и семью рядом с Александрой, укрывшись в глухом лесу. Носит по дорогам Вадима, пока его окончательно не «сковывают» за непокорность властям в больнице для душевнобольных. Бегут из «утлых домов» и Антонина, и Осип Меклер, и Муся, и многие-многие другие персонажи Владимира Максимова. Мечется внутри двора старуха Шоколинист, у которой вместо прежнего богатого каменного дома остается груда наворованных у новых хозяев щепок [1, с. 229 – 230].

Домом для большинства людей становятся тюрьма, лагерь, «желтый дом», европейская богодельня [1, с. 303]. Монастырский дом «братства» превращается в приют для умалишенных. Верующие люди ассоциируются теперь с ненормальными. Все вывернулось и в духовном мире человека.

Дом воспринимается интеллигенцией (Марк Крепс, Вадим Лашков, генерал Ткаченко) как «выгребная яма» [1, с. 304]. А простые крестьяне, типа Горшкова считают, что «езде дом» [1, с. 332] и одинаково приспособляются к жизни и в психушке, и в тюрьме, и в вагонах при переездах, и в хлеву для скота, и в бетонных городских «коробках» или в «деревянных коробках» деревни [1, с. 288].

Персонажи Владимира Максимова потеряли чувство надежности дома. «Утлость» – это ощущение постоянной опасности, ожидание катастрофы. Все дома обрели некую «одинаковость». Они как пчелиные соты, как коробки – гробы, где каждый ждет своей смертной участи [1, с. 406].

Василий Лашков в конце земного пути понял, что хотя домов множество, как и судеб людских, но небо на всех одно. А значит людям надо вместе взглянуть в небо и понять, что они должны жить «полюдски» [1, с. 248].

Земное «бездомье» приводит героев к желанию обрести хотя бы небо. Символическим видится снос дома Штабеля, когда-то объединившего лучших людей московского двора в «братство». Автор романа подчеркивает: «Дом умирал, словно живое существо... И когда его разрушили окончательно, то он белым костром взметнулся в высокую и праздничную голубизну неба» [1, с. 258]. Василий Лашков считал домик Штабеля частью самого себя, потому что дружба и любовь обитали под его низкими сводами. И поэтому он чувствует, как разрушенный дом «уходит в небо», как будто душа человеческая поднимается к Богу.

А Василий теряет вместе с домом жизненную опору и вскоре умирает. Автор назвал домик Штабеля «колизей», подчеркнув его надвременную ценность.

Парадоксально, что только «скорбный дом» может дать другому герою – Вадиму Лашкову ощущение прочности и надежности. Больные люди говорят каждый о своем, но все понимают друг друга, а значит стены такого дома объединяют, даже если это стены «желтого дома». Измученный «бездомьем», Вадим сумел обрести душевную гармонию только среди душевнобольных.

Общий дом по-разному воздействует на своих обитателей. «Хлипкие души» гибнут, а души, сохранившие крепкий стержень (совесть), сохраняются и только закаляются, очищаются в лишениях и страданиях. Если Василий, Петр, Вадим, Штабель сумели «сохранить себя», то для уполномоченного Калинина, Семена Цыганкова, Ивана Левушкина дом становится «могилой» (Семен падает во время погони с крыши своего дома, Калинин «решает себя» от безысходности и обреченности в комнатке дворника). А Иван «оброс весь дикой и непробиваемой глухотой», обрел «мертвое равновесие» и проводит все время вне дома, под небом, которое «набухало серой тяжестью» [1, с. 254]. Иван «мертв»

раньше своей физической смерти, находясь постоянно вне дома.

Герои романа дважды совместными усилиями пытались выстроить домики для людей гонимых, но обретших любовь: жилье строили в едином душевном порыве для Симы и Левы Храмова и для Груши и Штабеля. Совместное строительство сопровождалось высоким духовным подъемом измученных собственными проблемами людей. Это было всеобщее счастье вдохновенного труда, сопряженного с надеждой. Но «власть скрутит винтом» любые порывы и вольные устремления. После запретов на строительство и разрушений домов, герои испытывают духовное опустошение, равнодушие, переходящее в уныние.

Устоять в ситуации «всеобщего бездомья» могут только «истинно верующие», такие как Антонина, Муся, Гупак, скульптор. Антонина, пройдя через «холодный» дом отца, который она напрасно старалась согреть своим сердцем, перенесла все тяготы «бездомья», чтобы вновь вернуться под отцовскую крышу, принеся в него надежду на счастливое будущее в лице новорожденного сына.

Концепт «дом – бездомье», как показывает анализ, смыкается с символом «небо» (варианты: «звезда», «свет»), которые автором чаще всего используются для характеристики образов и выражения авторской позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Максимов В.Е. Собрание сочинений. В 8 т. М.: Терра, 1992.
Т. 2. С. 12.

Кафедра «Русская филология»